

RU

Лингвосемиотический аспект изучения глuttonии в говорах Байкальской Сибири (на примере денотативной группы знаков)

Огдонова Ц. Ц.

Аннотация. В данной статье представлен фрагмент лингвосемиотической системы глuttonии в говорах русских старожилов Байкальской Сибири - знаки, выполняющие денотативную функцию в гастрономическом диалектном дискурсе. Цель исследования состоит в выявлении языковых средств, транспонирующих в диалектный дискурс образы пищи, ее квалификативные, локативные, операциональные и субъектные характеристики с позиций лингвосемиотики. В статье на основе лингвосемиотической параметризации выделена денотативная группа знаков, состоящая из знаков-персоналий, знаков-глuttonимов, знаков-локативов, знаков-инструментативов и знаков-квалификаторов. В качестве наиболее репрезентативной представлена подгруппа знаков-глuttonимов с последующей тематической дифференциацией, раскрывающей особенности культуры питания диалектоносителей на фоне межэтнического взаимодействия. Продемонстрирована специфика денотирования менее репрезентативных групп денотативных знаков. Научная новизна заключается в том, что анализ глuttonии в говорах русских старожилов Байкальской Сибири с позиций лингвосемиотики осуществляется впервые. «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой еще не подвергался исследованию в предложенном аспекте. В результате определены репрезентативные черты знаков денотативной группы глuttonии в данных говорах, а также особенности глuttonической картины мира диалектоносителей.

EN

Linguosemiotic Aspect of Studying Gluttony in Subdialects of Baikal Siberia (by the Example of a Denotative Group of Signs)

Ogdonova T. T.

Abstract. The paper presents a fragment of the linguosemiotic system of gluttony in subdialects of Russian old residents of Baikal Siberia, i.e. signs that perform a denotative function in the gastronomic dialect discourse. The aim of the research is to identify linguistic means that transpose images of food, its qualificative, locative, operational and subjective characteristics into the dialect discourse from the standpoint of linguosemiotics. The paper identifies a denotative group of signs consisting of personality signs, gluttonym signs, locative signs, instrumentative signs and qualificative signs on the basis of linguosemiotic parametrisation. A subgroup of gluttonym signs is presented as the most representative one, with its thematic differentiation revealing the peculiarities of the food culture of dialect speakers against the background of interethnic interaction. The specificity of denoting less representative groups of denotative signs is demonstrated. The research is novel in that it is the first to analyse gluttony in subdialects of Russian old residents of Baikal Siberia from the standpoint of linguosemiotics. "The Dictionary of Subdialects of Russian Old Residents of Baikal Siberia" by G. V. Afanasyeva-Medvedeva has not yet been studied in the proposed aspect. As a result, the representative features of the signs belonging to the denotative group of gluttony in the subdialects, as well as the peculiarities of the gluttony worldview of dialect speakers have been determined.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время наиболее плодотворным и доминирующим является лингвосемиотический подход к изучению глuttonического дискурса. Лингвосемиотическая структура данного феномена в сопоставительном освещении проанализирована в рамках русского

и немецкоязычного дискурсов (Головницкая, 2007; 2010); русской и англоязычной лингвокультур (Ермакова, 2011); англоязычного глоттонического дискурса (Земскова, 2009), англосаксонской лингвокультуры (Захаров, 2008); русского, немецкого и калмыцкого дискурсов (Боваева, 2012); тюркоязычного (Бараташвили, 2012) и французского дискурсов (Олянич, 2015). Рассмотрена лингвосемиотика ваххического дискурса русских и немцев (Реймер, 2011), а также лингвосемиотическая система глоттонии представлена как этнокультурный код в англоязычном дискурсе (Никишкова, 2017). Значительный научный интерес представляет изучение знаковой рефлексии гастрономического фрагмента картины мира диалектоносителей, в частности русских старожилов Байкальской Сибири. Рассмотрение глоттонических знаков дает возможность не только увидеть специфику быта и хозяйствования, природно-климатические и экологические условия проживания сибиряков, но и раскрыть образы и ценности их культуры потребления пищи. Кроме того, данный подход является эффективным инструментом для определения регионально-культурной специфики концептосферы глоттонического характера и построения лингвосемиотической модели семиозиса традиционной потребностной коммуникации.

Достижению поставленной в работе цели подчинены следующие задачи: обобщить исследовательские данные о лингвосемиотической структуре глоттонии; выявить языковые средства, выполняющие роль глоттонических знаков в диалектном глоттоническом дискурсе, на основе их денотативной функции; определить репрезентативные черты и роль знаков денотативной группы в традиционной гастроллингвосемиотике. Материал настоящего исследования извлечен из «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой (в 23-х т. Иркутск, 2007-2020. Т. 1-23). В работе использованы описательный метод, включающий наблюдение, интерпретацию и обобщение; метод лексико-семантического анализа текстов глоттонии.

Теоретической базой исследования послужили труды В. А. Олянич (2003; 2007; 2015), автора презентационной теории дискурса и одного из основателей научной школы лингвосемиотического изучения дискурсивной актуализации потребностей, а также публикации представителей данного направления (Головницкая, 2010; Захаров, 2008; Бараташвили, 2012).

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть применены для комплексного изучения глоттонического компонента русской старожильческой лингвокультуры, а также в вузовских курсах лингвосемиотики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, теории дискурса, а также при написании дипломных и курсовых работ по лингвистике и русскому языку.

Основная часть

С точки зрения лингвосемиотики наши потребности в пище и питье семиотизировались в особую систему глоттонии – «систему знаков, характеризующих пищевой процесс в целом, добычу пищи, ее первичную обработку, а также собственно процессы приготовления и потребления пищи» (Олянич, 2003, с. 168). Глоттония, соответственно, функционирует в рамках гастрономического/глоттонического дискурса и рефлектирует концептосферу питания той или иной лингвокультуры.

Концепт ПИЩА в рассматриваемых говорах денотирован глоттоническими номинациями с генерализованной семантикой: *свестное, припасы, выть, закуска, всячина, харчи, кушанки* (в значении «блюда»), *приготовлёння, поёдь* и др. Кроме того, зафиксированы глоттонические константы: *молошно* – блюда, приготовленные из молочных продуктов; *стряпано/стряпушки/стряпня'* – выпечные и мучные изделия; *огородно* – блюда из выращенных растений; *творожно* – блюда, приготовленные из творога; *мяжки/мягкие* – хлебобулочные изделия; *дичина* – мясо диких животных. Для старожилов было актуальным приготовление пищи для длительного хранения: *всё загодя готовили, морозили, сушили, чтобы все готовенькое было на угощенье...* Все, что замораживали, обобщенно называли *зёморозки*. Тенденция к генерализации лингвосемиотического пространства глоттонии в целом характерна для «простого/бедного» питания, следовательно, репрезентативна в диалектном дискурсе.

Изучение глоттонического дискурса традиционной лингвокультуры предполагает прежде всего рассмотрение системы глоттонических знаков на основе лингвосемиотической параметризации, учитывающей функциональные свойства знаков-номинаций. Так, денотативная функция «связана с закреплением в сознании коммуникантов образа еды; ее качеств; места и действий, связанных с добычей, обработкой, приготовлением и потреблением еды, субъектов глоттонических действий» (Олянич, 2003, с. 339). К знакам денотативной группы относятся знаки-персоналии, глоттонимы, знаки-инструментативы и локативы, знаки-квалификаторы.

Знаки-персоналии денотируют участников глоттонических действий (приготовление и потребление, добыча еды). Поскольку тема питания традиционно соотносится с «женским миром», охотнее о кулинарных особенностях местности рассказывают женщины – коренные жительницы сельских поселений. Именно они являются субъектами диалектного глоттонического дискурса: *стряпка/стряпуха, повариха, кухарка, пекарша, мама/мамка, мать, невестка, баушка/бабка, свякрожка, бабы, женски, хозяйка, тётя/тётка, бабё и др.*

Встречаются в данной подгруппе и исторически обусловленные номинации, например *немцы*. Ср.: *А немцы-то, дак во время войны их же сюда авакуация была, в Сибирь, на Ангару <...>. Но оне трудовики, немцы-то, работяшиши, оне много очень знали, готовили всё. Приготовлёння у них хорошии...* Зафиксирована глоттонимная номинация *бурдушники* – те, кто варят *бурдук* (мучной кисель).

В качестве знаков-персоналий, денотирующих потребление пищи, преимущественно выступают номинации членов семьи (*муж, дед, дети, старики*), соседей, жителей деревни: *папа/тятя, сестра, сноха, невестка,*

родители, свякроха, отчим, ребятишки/ребяты, сватья, старик, молодые, дявчонки, мужуки, сосед, соседка и пр. Поскольку русские старожилы жили «единым миром», отличались хлебосольством и чтили традицию «гощевания», в качестве таких знаков выступают и *гости, народ, люди, даремня* (деревня); реже – *ссылный, каторжник, прохожий, нищий, христовый*. Часто субъекты и объекты глоттонической коммуникации характеризуются с точки зрения переедания/недоедания: *голодные, сытые, бравенькая* (упитанная); низкой/высокой потребности в еде: *Попробуй. Не морзуй. Так-то клевать – выть не наберёшь. Городски мало едите, как воробы едите*.

Русские старожилы жили в условиях активного контактирования с местными народами (главным образом эвенками и бурятами), поэтому нередки тексты с этноглоттоническими знаками (*руцки, буряты/брацки, авенки* (эвенки), *арсаеды* (те, кто употребляют в пищу *арсу* – кисломолочный напиток)).

В нашем материале встретились знаки, денотирующие добычу еды: *охотники, рыбаки, бригада (рыбаков), нерповицки, мужуки, люди, тятя, свёкр, мама, припаситель* (тот, кто добывает/припасает еду).

Следует отметить, что знаки-персоналии имеют относительно слабую рекуррентность в гастрономическом дискурсе диалектоносителей в силу частотности текстов-рецептов, в которых отсутствуют знаки-персоналии. Кроме того, знаки-персоналии обнаруживают гендерную обусловленность, поскольку знаки приготовления пищи преимущественно женские, знаки добычи еды – мужские.

В глоттоническом фрагменте лингвосомиотической картины мира диалектоносителей наиболее разработанными являются знаки-глуттонимы – «собственно знаки пищи и ее компонентов» (Головницкая, 2010, с. 102). Знаки-глуттонимы номинируют продукты питания и приготовленные из них блюда.

Глуттонимы группы «Продукты питания» включают: наименования сельскохозяйственных культур – *пшеница, балаганка* (сорт пшеницы), *овёс, просо, ячмень, толокно, конопля* (конопля), *рожь*; наименования дикорастущих растений – *галахай* (крапива), *черемша, сосновые блинчики* (кора сосны), *пучки* (корни саранки, соцветия борщевика), *мангыр / горный лук / каменный лук* (дикий лук), *ванюшка* (дикий хмель), *шишавель, купена, лебеда, гаолян, шиповник, бадан*; наименования грибов – *губки, волвята/волнушки, рыжики, грузди/мокрые, масленки, подосиновики, белянки, белогубцы*; наименования плодов и ягод – *голубица, кислица, брусника, черемуха, боярка, орехи, землянка* (земляника), *черника, костяника*; наименования выращенных растений – *капуста, картошка, чеснок, морковь, турнепина, огурцы, горох, репа, брюква, редька, свекла, укроп, лук*; наименования видов мяса, птицы и рыбы – *мясо, оленина, сохатина, медвежатина, зайчатина, говядина, свинина, нерпа, белка, курица, гусь, утка, глухарь, рябчик, таймень, омуль, сиг, сорога, окунь, елец, налим, хайруз, щука, осетр, стерлядь, костерка, синявка, гальян* и др.; наименования молочных продуктов – *молоко/молочко, кислое молоко, парное молоко*; наименования приправ/специй – *соль, сахар, перец, лавровый лист, гвоздика*.

Продуктами питания семьи русских старожил обесценивали себя за счет своего хозяйства, промыслов и собирательства (...лесом да рякой жили...; ...тайгой жили...; ...рыбой жили...; ...скотиной жили...). Выбор продуктов и состав блюд свидетельствуют о том, что в Байкальском регионе произошло смешение различных потоков населения с севернорусских и южнорусских территорий. Здесь они смешивались с обычаями и традициями питания коренного населения (главным образом эвенков и бурят). Ср.: *Да и эту говядину едим, оленину авнскую едим... Дак под вёсну не могу, хочу сохатину, и всё. Даже умираю, хочу сохатину... Привыкли с авенками жить, по-авнски ись...*

Глуттонимы группы «Блюда и напитки» распределяются по следующим подгруппам: «Наименования молочных блюд», «Наименования мучных блюд и изделий», «Наименования мясных блюд», «Наименования рыбных блюд», «Наименования блюд из выращенных растений», «Наименования блюд из дикорастущих растений», «Наименования супов, похлебок», «Наименования напитков». Рассмотрим наиболее репрезентативные подгруппы.

Глуттонимы подгруппы «Наименования мучных блюд и изделий» демонстрируют традиционность русской старожильческой культуры, т.к. сибиряки стремились создавать мучную основу питания. Среди таких знаков наиболее репрезентативны наименования хлеба: *мяжки/мягкие, аржанина* (аржанушечка, аржанице, аржанка, аржануха, аржанье), *ярушник, мякина, колобоё, плетёнки, выкатыш, карапки/бедняк, осла/алякаи, крупчатный хлеб, охотничий хлеб / блюдочник / калач* и др. Представлены также наименования различных мучных изделий: *выбыглые калачи, шаньги/шанежки, мушники, ковриги, тарочки, жаворожки/кулики, паска, яишные пироги, сороковуха, каравай, хворост, сочни, сушки, блины, вспышки, икряница, пампушки, налевы, куличи, драчёны, пироги, пирожки, квасники* и др. Из муки готовили домашнюю лапшу и каши: *заваруха, затирка/затируха, бурдук* и др.

Традиционность гастрономической лингвокультуры русских старожил проявляется и в растительной основе их питания. Об этом свидетельствует репертуар глуттонимов подгруппы «Наименования блюд из выращенных растений», в которой доминируют номинации блюд из картофеля: *бульбишные/гульбешные лепешки, бурдук, картовный/картошешный пирог, бабка, дед/дедка, картошешная каша, затирушка, картошешные котлеты, картошешные пирожки, картошешные шаньги и лепешки, толченка, печенка, тарсук*. Картофель играл большую роль в выживании людей в трудное время (революция, раскулачивание, война, голод): *Это большое ЧП, если не дай Бог картошку заморозят, это, считай, голод. Это второй хлеб был...* Картофель употребляли в разном виде: варили в мундире, пекли в костре, толкли и готовили разные блюда, варили напитки (кисель).

Старожилы любили и готовили пареные овощи (*парёнки*) из репы, брюквы, моркови, свеклы; варили *патоку* свекольную или морковную; солили (квасили) капусту и огурцы.

В состав подгруппы «Наименования блюд из дикорастущих растений» включены глуттонимы блюд из грибов: *жаренина, губница/бубница, грибовница, грибница* и др. Ягоды заготавливались на зиму в виде *варенья* или *повидлы*, замораживались с сахаром или без (*заморозки*). Из них варили *настойки, кисель, морс*, делали из них муку, с ними пекли пироги и варили каши.

В русской старожильческой кухне широко представлены блюда из конопли и конопляного семени (*дявно, выжим/выжимки/макуха, семену́ха, се́менный сок, стряпушки* и др.), блюда из кедрового ореха (*роде́ма, кедровое молоко, орешник, орешешное масло* и др.).

Суровый климат проживания сибиряков обусловил значимость горячего питания (мясного, рыбного, молочного) и появление большого количества наименований калорийной пищи в глоттонии старожиллов. Кроме того, на ее формирование и развитие, как отмечалось выше, большое воздействие оказывала традиционная кухня коренных народов Восточной Сибири – эвенков и бурят, у которых преобладали мясо, рыба, молоко. В связи с этим в лексической сфере питания достаточно репрезентативны мясные, рыбные и молочные блюда.

Своеобразием мясного питания русских старожиллов можно считать употребление мяса, сала и жира нерпы, добытого в процессе *нерповки* (охоты на нерпу) на Байкале. У бурят русские старожилы переняли традицию скотоводчества. К глоттонимам подгруппы «Наименования мясных блюд» относятся: *головизна, губа, кишбичница, дүша, арбүн, далын, кулікта/вяленка/суховка, холодец, олений язык, котлета* и др.

Старожилы ловили много рыбы, соответственно, в группе «Наименования рыбных блюд» наблюдается разнообразие глоттонимных номинаций: *макса, культу́рка, расколо́тка, рожни́, сагудай/загудай, вь́жарки, икрини́ца/икряник, шарба/шерба́, ершовница, ельцовый пирог, колобки, пряник* и др.

Примечательно, что русские старожилы употребляли в пищу различные части тела как животных (*голова, мозг, язык, губа, момонка* (кишка), *вы́портки* (внутренности)), так и рыб (*головизна; головки щучьи, осетровые; ма́кса* (печень), *мабски* (внутренности), *подчеревки* (брюшная полоска), *хвост, молоко, икра, осетровый пуп*). Ср.: *Хвост – блюдо, голова – блюдо, звёнышко – блюдо, котлеты – блюдо. Один стол можно токо рыбы наставить.*

Кисломолочные продукты на столе старожиллов присутствовали издавна. Они служили «закуской» к чаю и употреблялись в качестве самостоятельных блюд, были пищей для «разговенья» или приема гостей, служили основой для начинки различных блюд. По данным нашего материала исследования, в подгруппу «Наименования молочных блюд» входят следующие знаки-глоттонимы: *масло сливошно, творог, простокваша, сметана, пахтанье/пахта, отгон, арса, тарак, варенец/молоко-варёно, мандрышки/мартышки, творожники, сыворотка, сыр, налёвка, салама́т* и др.

В русской старожильческой глоттонии представлены знаки-инструментативы, денотирующие хранение (*туес берестяной, банка, бутылъ, бочка, ведро, потокуи* (берестяные короба), *кадушка, фляга, чуман* (туесок из березы), *бидон*), обработку и приготовление (*каструля, шайка, чугунок, бочанка, листы, противень, решётка, сито, сечка, сковорода, мякольна доска, квашня/квашонка, колотушка, толкачи, ступа, мутовка, топорик, корытце, судница, самовар, чайник, круподёрка, хлеборушник, молотила, скало/скалка, помяло, котел, ковшик, жернова/жёрны, столовик* (нож), *мясорубка, жаровня, русска печка, таган/таганка, каменка, сепарат* (сепаратор)), потребление пищи (*чаша, ложка хлебальна/хлёбальная, тарелка, дублянка* (деревянная посуда), *дудбня* (бутылочка с соской для младенцев), *стакан, кру́шацка* (кружка)).

Знаки-локативы, денотирующие место происхождения продукта и способ приготовления, в лингвосомиотической картине мира русских старожиллов практически нерепрезентативны в силу их компактного проживания и исконности традиции питания. Однако глоттонические топосы обнаруживаются в некоторых текстах: *Супов не варили. Это уж приехали, приехали, уже когда вот приехали, открылся химлясхозы, вот и привязли уже с Россеи-то, с Украины вот эти боршиши-то. А местно население у них никоо, вот этих супишек никоо не было. Никоо, никоо! Не варили, не варили!*

Локативные обозначения места приготовления и принятия пищи обусловлены традициями крестьянской общины и ограничены, как правило, пространством одной или нескольких деревень: *Это в каждом доме столы. Накроют, я накрою и жду гостей; И от ставили больши столы на улице, и все угошиались; Ой, гуляли все! У нас вся деревня в одну компанию была.*

В глоттоническую коммуникацию вовлекаются и знаки-квалификаторы, функционирующие в когнитивной категории рецепции в рамках доминант-опозиций «съедобное/несъедобное», «вкусное/невкусное» (Головницкая, 2010, с. 102), в целом репрезентирующие качества еды. Такие знаки коннотативны, выражают положительные и отрицательные оценки: *Така скусна!; Ой, кака сладка!; Оне же сытны; Хворост у ней хороши был; И мясо нерпичье мы ели, но у аргáлов оно не шибко вкусно; И на вкус хороши; карательный ячмень* (о ячменной муке с острыми отрубями). В диалектном дискурсе преобладают положительные знаки-квалификаторы.

Знаки-квалификаторы охватывают лексику качества еды и методов ее обработки и приготовления: *тёртая картошка, толченая боярка, обмолоченный хлеб, закрытый пирог, заварные калачи, рыба с душиком, максы пряниками* (о замороженных кусках печени рыбы), *топленая сметана, заливные ишуки* и т.п. Данная группа знаков также обнаруживает относительно слабую рекуррентность в глоттоническом дискурсе русских старожиллов Байкальской Сибири.

Заключение

Таким образом, знаки денотативной группы (персоналии, глоттонимы, инструментативы, локативы, квалификаторы), так же как и другие глоттонические знаки, формируют гастрономический дискурс как особую разновидность диалектного дискурса. Данные знаки транспонируют в диалектный глоттонический дискурс образы субъектов и объектов гастрономии; рабочего инструментария обработки, хранения и приготовления пищи, а также ее рецепцию. При этом наиболее репрезентативной является группа глоттонимов, номинирующих продукты питания и блюда. Менее репрезентативными являются знаки-персоналии и знаки-квалификаторы.

Изучение знаков денотативной группы позволило раскрыть некоторые особенности глуттонической картины мира диалектоносителей: простота и скудность питания (тенденция к генерализации в глуттонической концептосфере); гендерная обусловленность глуттонического дискурса (женские знаки-персоналии – приготовление пищи, мужские – добыча пищи; женская субъектность дискурса); исконная традиционность кухни (частотность глуттонии мучной и растительной пищи); экологический глуттонизм (номинации продуктов питания); обусловленность традициями крестьянской общины (отражение коллективизма диалектной картины мира); преимущественно положительная рецепция пищи; культурный полиморфизм (этнический компонент персоналий и глуттонимов).

Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении знаков, выполняющих директивную и квалификационно-оценочную функции, в глуттоническом дискурсе русских старожилов Байкальской Сибири.

Источники | References

1. Бараташвили Э. В. Лингвосемиотика глуттонической коммуникации: на материале тюркоязычного гастрономического дискурса: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2012.
2. Боваева Г. М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений: на материале глуттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2012.
3. Головницкая Н. П. Лингвокультурные концепты ПИЩА и DAS ESSEN в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) // Известия Волгоградского государственного университета. 2007. № 2 (20).
4. Головницкая Н. П. Немецкоязычные лингвистические знаки глуттонии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2010. № 1 (11).
5. Ермакова Л. Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер: на материале русской и английской лингвокультуры: автореф. дисс. ... к. филол. н. Белгород, 2011.
6. Захаров С. В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глуттонии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2008.
7. Земскова А. Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2009.
8. Никишкова М. С. Этнолингвокультурный гастрономический код в потребностной коммуникации (на материале английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2017.
9. Олянич А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. М., 2003.
10. Олянич А. В. Лингвосемиотика французской гастрономии: монография. Волгоград: Нива, 2015.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007.
12. Реймер Ю. В. Лингвосемиотика вакхической культуры в русском и немецком языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2011.

Информация об авторах | Author information

Огдонова Цырена Цыцыковна¹, к. филол. н., доц.

¹ Иркутский государственный университет

Ogdonova Tsyrena Tsytsykovna¹, PhD

¹ Irkutsk State University

¹ irk-tsyrena@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): знаки-персоналии; знаки-глуттонимы; знаки-локативы; знаки-инструментативы; знаки-квалификаторы; personality signs; gluttonym signs; locative signs; instrumentative signs; qualificative signs.